

ИНТЕРВЬЮ

УДК 159.9

DOI 10.17223/17267080/55/1

А.Г. Асмолов¹, М.С. Гусельцева²

¹ МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

² Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия)

Кому и как разрабатывать методологию психологии?

Статья представляет собой текст беседы авторов, состоявшейся в 2014 г. Она состоит из двух частей: «Вопросы к учителю» и «Вопросы к ученику», в которых А.Г. Асмолов и М.С. Гусельцева выступают по очереди в ролях интервьюируемого и интервьюера. Статья посвящена дискуссии о проблеме будущего психологии. Представлены обобщения и суждения о тенденциях развития психологии в нашу эпоху. Рассматриваются основные метафоры развития науки. Указывается на необходимость разработки синтетических подходов, удовлетворяющих существующим, подчас противоположным тенденциям, различным «поворотам» в жизни человека и общества. Рассматривается современная специфика кризисов в психологии – множества кризисов во множестве психологий. Представлена необходимость специфического осмысления конструирования психологий как поддержки спонтанных линий развития. Авторы придерживаются позиции культурно-деятельностного подхода.

Ключевые слова: психологизация; риск; тенденции развития; плюрализм; монизм; синтез; кризис; культурно-деятельностный подход.

При самых разнообразных пониманиях того, что же являет собой методология науки или, более точно, методология познания, авторам приводимых ниже диалогов в жанре «зеркального» интервью близка метафорическая характеристика методологии как искусства постановки вопросов. Искусно поставленный вопрос нередко в истории науки приобретает статус проблемы, которую потом решают как дразнящую загадку приходящие на смену друг другу поколения исследователей, теоретиков, мыслителей, представителей различных научных школ, интеллектуальных движений, исследовательских программ и парадигм познания.

В связи с этим хотелось бы обратиться к поставленному в 1873 г. И.М. Сеченовым вопросу «Кому и как разрабатывать психологию?». Обратим внимание на то, что сам этот вопрос оказался не менее значимым, чем многочисленные ответы – ответы бихевиористов и физиологов, к числу которых относился сам И.М. Сеченов, ответы интроспекционистов, ответы

мастеров психоанализа и гештальтпсихологии... Каждый психолог может самостоятельно продолжить этот ряд, а тем самым пройти своеобразный проективный тест на то, к какой научной школе или исследовательской программе он причисляет себя.

Обсудить вечные методологические проблемы, актуальное прошлое и конструктивное будущее психологии авторов воодушевила анкета, предложенная несколько лет назад редколлегией журнала «Методология и история психологии». Ниже приводятся два «зеркальных» интервью, в которых интервьюеры менялись местами и тем самым использовали такой эвристичный прием Ж. Пиаже, как децентрация.

ДИАЛОГ ПЕРВЫЙ: ВОПРОСЫ К УЧИТЕЛЮ

Марина Гусельцева: *Александр Григорьевич, как бы Вы охарактеризовали познавательную ситуацию в современной психологии? Каковы, на Ваш взгляд, ее основные черты и ведущие тенденции?*

Александр Асмолов: Каждый раз, говоря о нашей науке, мы должны четко понимать, что время, в которое мы живем, так или иначе задает логику и статус психологии в культуре. Как называется наш век? Он называется по-разному. Одни называют его информационной эпохой, другие – эпохой коммуникаций, однако все чаще и чаще звучат голоса, например социологов З. Баумана и Э. Гидденса, предложивших для характеристики нашей реальности термины «текущая современность» и «ускользающий мир». Несколько лет назад появилось название нашего века, которое мне особенно импонирует: «сетевое столетие».

Эти названия говорят, что мир вокруг нас серьезнейшим образом изменился. Однако что является движущей причиной многих изменений? Я часто вспоминаю слова отечественного исследователя В.И. Вернадского, утверждавшего в начале XX в., что наступает особая эра, которую он назвал «психозойской». Мы – современники эпохи психозоя. Это значит, что окружающие нас ноосфера, семиосфера так или иначе отражают психологизацию жизни. В истории науки термин «психологизация» имеет разные оттенки и к нему амбивалентное отношение. Нам сегодня важно отразить риски этой психологизации в нашем обществе, которое также известный немецкий социолог У. Бек метко называет «обществом риска».

Марина Гусельцева: *И как же развивается в этом социокультурном контексте психология?*

Александр Асмолов: В 1970-е гг. А.Н. Леонтьев предложил метафору: психология должна развиваться «в ствол». Метафора «ствола» четко передает установку А.Н. Леонтьева на необходимость единства и монолитности психологической науки. Другой наш исследователь, Б.Ф. Ломов,

оппонируя А.Н. Леонтьеву, утверждал, что психология должна развиваться «в куст». Эта дискуссия явно или неявно продолжается в современной психологии, в борьбе между сторонниками психологии, пытающейся «объять необъятное» и сохранить идентичность, и психологии, отвечающей на сиюминутные вызовы времени, прежде всего это вызовы практики. Глядя на психологию сегодняшнего дня, я бы сказал, что в большей степени отражающей нашу реальность оказалась метафора Б.Ф. Ломова.

Марина Гусельцева: *А я бы вообще не стала эти вещи противопоставлять, а рассмотрела как антиномии – в логике И. Канта, отражающие глубину и полноту мира.*

Александр Асмолов: Тем не менее сегодня психология стала развиваться «в куст». Она стала терять свое дерево. Хотя, соглашусь, такое развитие является нормальным, и за полярностями «куст» и «ствол», за этими метафорами, стоят разные моменты. Первая линия анализа – либо интеграция науки, либо ее дифференциация. Вторая линия, связанная с данной метафорой, – это либо универсализация науки, либо ее узкая специализация. Третья линия связана с попыткой создания монистических или плюралистических картин мира. По сути дела – это нормальные тенденции развития науки XXI в.

Марина Гусельцева: *Вот-вот, в нормальном развитии науки присутствует и то, и это в форме как сменяющих друг друга ритмов, так и сосуществования.*

Александр Асмолов: Являясь эволюционным оптимистом, я считаю, что при «кустовом» развитии психологии (последствием которого выступили несколько кризисов, которые мы обсудим в дальнейшем) должно прийти время синтетических подходов в психологии, не противоречащих «кустовому» подходу.

Марина Гусельцева: *Так оно и пришло, это время! Интеграция шла одновременно с дифференциацией, только мы не умели некоторые процессы увидеть, а теперь, благодаря работам вышеназванных философов и социологов, у нас появилась новая методологическая оптика; возникли подходы, предложившие совсем иную логику анализа, и этим неожиданные. В одно и то же историческое время одни исследователи сетуют, что «нет синтеза», тогда как другие, напротив, видят новые синтезы – это проблема исследовательской оптики, способности взгляда (перефразируя семантику И. Канта, «способность суждения»). Особенность нашей эпохи – открывшееся разнообразие перспектив (возможностей видения), что повлекло за собой и движение «новых методологий». Однако давайте вернемся к теме кризиса, ведь и его трактовка в психологии неоднозначна: там, где пессимисты вздыхают: «кризис, кризис», та-*

кие исторические оптимисты, как В.П. Зинченко, восклицают: «не кризис, а расцвет!».

Александр Асмолов: В те годы, когда Л.С. Выготский написал работу «Исторический смысл психологического кризиса», когда вышла книга К. Бюлера «Кризис в психологии», они говорили о том, что нет одной, нет единой психологии, а есть множество психологий. Сегодня же у нас не кризис в психологии; у нас сегодня кризисы разных психологий. И эти кризисы проявляются в следующих моментах. Первое, это кризис научных школ. Отмечу, что этот кризис научных школ происходит не только в психологии, но и в других науках. Сам конструкт «научная школа» в эпоху постмодернизма все более начинает вызывать у меня сомнение.

Марина Гусельцева: *Всё так, но сама интерпретация того или иного феномена как кризиса – не выдает ли она наше желание удерживать уходящее время, консервировать старые парадигмы? Ведь прибегнув к конструктам основателя отечественной сравнительной психологии В.А. Вагнера, мы можем сказать, что научные школы эволюционируют из «чистых линий» в смешанные исследовательские движения. Так называемый феномен исчезновения научных школ (Х. Люк) уж я бы точно не драматизировала: возможно, мы наблюдаем нормальный процесс трансформации, где на смену старым организационным формам (научным школам) приходят новые, например интеллектуальные коммуникативные сети (концепция социолога Р. Коллинза)?*

Александр Асмолов: Вместе с тем последствием кризиса школ является следующее. Научные школы задавали образцы культуры, научные школы задавали культурные парадигмы, на которые следует равняться и ориентироваться, они приносили, как говорил Мандельштам, вкусы и стили мышления. При кризисе научной школы, будь то школа психоанализа, школа культурно-исторической психологии, школа когнитивной психологии, мы сталкиваемся с тем, что если не рефлекслируем кризисы этих школ, мы начинаем уходить в практицизм и мелкотемье, в результате возникает эффект Вавилонской башни. Психологи, собираясь на своих съездах и конференциях, оказываются людьми, говорящими на разных языках, часто не слыша и не понимая друг друга.

Марина Гусельцева: *Но это опять одна сторона медали: нельзя не признать, что в этом же контексте возникают и совсем иные культурные образцы; что «авангардный» исследовательский мир стихийно (начиная с 1990-х, а то и с 1960-х гг.) прилачился иметь дело со смешанными подходами и методологиями. Это показывает даже самый поверхностный анализ англоязычной периодики. Одновременно с этим возникают проекты, входя в которые, – уж не скажу про психологов, но гуманитарии демонстрируют такие образцы – и слышат друг друга, и активно коммуницируют. Примером сказанного служат движения «антропологического*

поворота», «новой антропологии культуры»; своеобразная «лаборатория жизни» (метафорический конструкт Ю.М. Лотмана) возникла вокруг гуманитарного просветительского проекта И.Д. Прохоровой – издательства и журнала «Новое литературное обозрение», ряда иных журналов. Более того, в наши дни это скорее дело собственных усилий и ответственности исследователя: если не организовать вокруг себя, то хотя бы найти творчески поддерживающую среду. В этой связи люблю французскую поговорку: *qui veut, il peut* – кто хочет, тот может...

Александр Асмолов: Слова «авангардный исследовательский мир», опережающий другие миры, меня слегка насторожили: ты ведь имеешь в виду западных (в широком смысле этого слова) психологов? Однако последствием кризиса научных школ в нашей современной реальности является появление копирующих психологий и «эффект спины». Мы всегда находим кого-то, кого называем великаном сегодняшнего дня, пытаемся бежать за ним. Подобного рода копирующие техники научного мышления основатель Психологического института и одной из первых отечественных научных школ Г.И. Челпанов называл «приват-доцентской психологией», психологией копирования образцов.

Пойми меня правильно. Копирование и репродукция – вещь хорошая, но когда мы копируем или репродуцируем и не оцениваем того колоссального явления культурных парадигм, которые дали наши собственные школы, мы оказываемся потерявшимися, неинтересными для других и переставшими видеть будущее. Этот риск проявляется в шоке настоящего, а не только в шоке от будущего, как писал Э. Тоффлер: риск превращения отечественной психологии в приват-доцентскую психологию.

Марина Гусельцева: *А я со своей стороны сделаю придирку к слову «мы». Кто такие эти мы? Среди современных исследователей представлены разные позиции и способы отношения как к зарубежному опыту, так и к интеллектуальному наследию; они довольно разнообразны: есть непосредственное следование традиции; есть опора на традицию с привнесением своего ракурса видения; есть опровержение традиции; есть диалог с традицией; есть радикальная переинтерпретация традиции; есть игнорирование традиции и т.п. На мой взгляд, главное, чтобы существовали свобода позиций и диапазон выбора, а не привязанность к одному способу видения реальности. И, кстати сказать, это как раз в духе движения новых методологий...*

Александр Асмолов: Разнообразие – замечательная вещь, и я сам его очень люблю. Однако второй риск в ситуации, о которой я говорю, заключается, повторяюсь, в том, что сегодня не кризис в психологии, а кризис психологий. Мы сталкиваемся с тем, что, по сути дела, если психология будет и дальше развиваться только «в куст», а не «в ствол», наступит еще один кризис – кризис профессиональной идентичности психологов, когда

психологи в буквальном смысле потеряют свое Я, утратят свое понимание как представители психологической науки и навигацию, куда им двигаться в современном мире.

Марина Гусельцева: *Вы сейчас сказали о развитии «только «в куст», а не «в ствол»», но мне настойчиво представляется, что это скорее идеальная модель (т.е. все-таки способ видения), нежели имеющаяся реальность. В мире такого рода пуризма сегодня практически нет, а возникают разные сложные конфигурации; иное дело, что конкретные люди выбирают ту сферу исследований, которая близка их собственному интеллектуальному стилю. В том мире, где культивируется интеллектуальная свобода, начинают действовать механизмы самоорганизации; исследователи более рефлексивно и избирательно относятся к собственным научным коммуникациям, выстраивают индивидуальную поддерживающую среду. Иными словами, мне представляется, что в наши дни для членов психологического сообщества гораздо важнее уходить от патернализма, т.е. самому нести ответственность за конструирование собственной профессиональной идентичности, а не надеяться, что эти проблемы будут решать за них другие: теоретики, методологи, политики от психологии, вожди...*

Александр Асмолов: Затронутая тобой тема ответственности и самоконструирования профессионального пути наводит меня на другую мысль. Кризис профессиональной идентичности связан с еще одним кризисом, а именно кризисом профессионального развития психологов. Обрати внимание, и я поверну разговор на близкую мне тему образования, ведь мы критикуем даже школу (не научную школу, а общеобразовательную школу) за голый вербализм, за то, что там присутствуют преимущественно вербальные способы работы. Вместе с тем в высшем образовании, в том числе в психологическом образовании, тоже преобладает этот вербализм, и мы являемся пленниками вербализма. Происходит парадокс: если сегодня произошла психологизация школьного образования, и с первого сентября в школу по новым стандартам, основанным на культурно-деятельностной психологической парадигме, идут сотни и сотни тысяч первоклассников; если здесь стандарты строятся на системно-деятельностном подходе, то в нашей психологии при подготовке психологов мы хотя и говорим о мастерских, о практиках, но все равно вербальные методы преобладают. И в связи с этим задача методологов – задуматься о путях и матрицах создания того, чтобы действительно, говоря о практических вещах, мы понимали, насколько должна измениться реальность в этом процессе.

Марина Гусельцева: *С этим нельзя не согласиться, однако здесь снова акцентированы аспекты конструирования социокультурной реальности, а на мой взгляд, гораздо важнее (и в наших методологических работах тоже) напирать на труд самоформирования; на культивирова-*

ние свободы творчества, смелости необычных путей; иными словами, не ждать чего-то от авторитетов и вышестоящих лидеров, а двигаться самому...

Александр Асмолов: Общение с тобой мотивирует меня обратиться к конструкту различных типов рациональности, твоей исследовательской теме. Сегодня как никогда мы должны четко понять через методологическую оптику – оптику неклассической и постнеклассической рациональности, что с нами происходит? Прав был Нильс Бор, когда говорил, что наблюдатель и наблюдаемое – две вещи неразрывные. И в этом смысле мы сами конструируем разные психологии: как только мы что-либо постулируем и проецируем как объект своих исследований, мы порожаем психологию, соответствующую этому объекту.

Марина Гусельцева: *Насколько тема методологической оптики отрефлексирована в тех или иных психологических школах? З. Фрейд зафиксировал в качестве феномена проекции способность увидеть в реальности отражение собственных проблем. Здесь не было термина «конструктивизм», однако психоанализ – как раз активно конструирующая собственного пациента практика...*

Александр Асмолов: Когда в фокусе внимания психолога оказывается «пациент», конструируются клиническая психология и клиническая практика. Это совершенно самостоятельная психология. И неслучайно специальность «клиническая психология» выделена как отдельная специальность. Когда в фокусе внимания, прежде всего экспериментальной психологии, оказывается такой ее излюбленный объект, как «испытываемый», то создаются экспериментальная психология, когнитивная психология, психофизика и другие важнейшие направления психологии как экспериментальной науки. И, наконец, когда мы именуем объект наших приложений «клиентом», оформляются психотехнические, инженерно-психологические, эргономические направления психологии.

Тем самым я утверждаю, что эти «частичные» реальности в психологии связаны с разными ориентациями исследователей – ориентациями на «пациента», на «клиента», на «испытываемого»; с особым же трудом происходит становление еще одной ориентации – ориентации на целостного человека, прежде всего в экзистенциальной и культурно-деятельностной психологии. Психология, ориентированная на «испытываемого», на «клиента», на «пациента», на «человека», – суть разные психологии, которым трудно договориться друг с другом. Еще труднее занять метапозицию, увидеть ценность и взаимодополняемость всех этих линий и интеллектуальных стилей в нашей науке.

В наши дни ярко звучат идеи междисциплинарности психологической науки и ее полипарадигмальности, когда мы ищем контакты с культурной антропологией, когда когнитивистика становится реальностью. Это

свидетельствует, что у нашей науки при всех обозначенных кризисах открываются большие перспективы. Нам нужна коллективная рефлексия, новая соборность, чтобы мы не были одиночками или волками, где каждый поет свою песню, как Акела на скале Совета.

Марина Гусельцева: *Как носитель постмодернистского духа одновременно и соглашусь с этим, и возражу: ответственного индивидуализма, протестантской этики не хватает нашей стране и научному сообществу; т.е. инициативы, когда исследователю и, более того, гражданину и человеку не нужен поводёр, а он сам, оказавшись tête à tête с реальностью, творит и психологию, и собственную профессиональную идентичность. Лишь выделавшись Индивидуальностью (я сейчас упускаю традиционное для нашей культуры понимание социальной сущности человека), можно вступить в полноценные коммуникативные отношения с Другим; в равноправные партнерские отношения; сформировав свои взгляды, отрефлексировав позиции, интернализовав интеллектуальное наследие посредством «творческой самодетельности». Иными словами, задача обретения индивидуальности представляется мне гораздо более актуальной. В этой связи опасуюсь призывов к коллективной рефлексии и новой соборности. Обращу также внимание на парадокс: именно воспитанные в духе коллективизма советские люди практически не способны к гражданской солидарности, тогда как современные европейцы и американцы – с их пресловутой этикой индивидуализма – гораздо более склонны к солидарности и взаимопомощи. Отсюда делаю радикальный вывод: прежде «новой соборности» должна возникнуть осознанная индивидуальность, ибо подлинная солидарность возможна лишь среди психологически зрелых людей; в противном случае мы имеем дело с феноменами массовой психологии, толпы, секты и т.п. И я бы здесь выделила наиболее опасный риск нашего времени – регресс к простоте, возвращение в архаику!*

Александр Асмолов: Психология как никогда сегодня отзывается на идеалы времени, и эти идеалы выступают в качестве прожектора, высвечивая ряд направлений психологии. В ряде своих недавних публицистических статей я затронул тему «нашествия варваров», «психологической депортации России», пришествия «грядущего хама», в которых пытаюсь осмыслить вопрос: «Трудно быть человеком?»¹. Наряду с идеалами справедливости, идеалами равенства в общественном, аксиологическом сознании идеал безопасности стал одним из идеалов общества риска...

¹ Асмолов А.Г. Нашествие варваров // Новая газета. 2014. № 50. URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/63508.html>; Он же. Психологическая депортация России // Новая газета. 2014. № 84. URL: <http://www.novayagazeta.ru/comments/64656.html>; Он же. Грядущий хам стал хамом нынешним // Colta.ru. Всё о культуре и духе времени. 2014. URL: <http://www.colta.ru/articles/society/4588>.

Марина Гусельцева: В этой связи добавлю ремарку, насколько нам сейчас важны исследования, показывающие, что гораздо лучше справляются с вызовами общества риска люди, толерантные к социокультурной неопределенности, сами конструирующие собственную жизнь. Иными словами, один из конструктивных способов жить в «текущей современности» – это принять ответственность за свою идентичность, за свое общество и сообщество на себя.

Александр Асмолов: С позиции исторического оптимиста замечу, что наряду с идеалом безопасности у нас возникают новые направления психологии, например психология оптимального счастья, идеал счастья. И возникает позитивная психология.

Марина Гусельцева: Вот это действительно позитивно! О счастье как социальной ценности несправедливо мало говорится в контексте нашей психологии. А ведь это связано с важнейшими темами антропологии повседневности – искусством жить, самостроительством личности, культурой образа жизни, разнообразием стилей жизни...

Александр Асмолов: В свою очередь психология индивидуальности и психология личности всегда была и будет связана с идеалом свободы.

Марина Гусельцева: Да, это и мое любимое: идеалы свободы, свободомыслие как самоценность...

Александр Асмолов: Развитие психологии индивидуальности и психологии личности, за ними стоит идеал свободы. Связь психологии, ее направлений с разными идеалами – это то, что нам крайне важно понять.

Марина Гусельцева: И отрефлексировать разные философии и антропологии, скрывающиеся за разнообразными видениями психологии.

Александр Асмолов: И, наконец, крайне важно понять, что в современной ситуации дефицита ценностных ориентаций и ориентиров именно психология, как в свое время говорил А.А. Богданов², может взять на себя функцию идеологии нашей науки: и науки, и общества. Психология задает те или иные идеологические матрицы, так было, так есть и так будет. Особенно актуально, когда это происходит в психозойскую эру.

Марина Гусельцева: Я бы это даже острее сформулировала: миссия психологии как социальной науки – гуманизировать общество.

² См.: Богданов А.А. Из психологии общества. Статьи 1901–1904 гг. СПб., 1904.

Александр Асмолов: Итак, закольцовывая к началу нашей беседы: сегодня между собой играют и спорят парадигмы конструктивизма, парадигмы когнитивизма, культурно-деятельностные парадигмы. Современная психология, как отмечал основатель биопсихологии В.А. Вагнер (и ты совершенно правильно в этой связи ссылаешься на него в монографиях, рисуя картину эволюции психологического знания), эволюционирует не по прямым, а по смешанным линиям развития. В этой эволюционной логике именно диалоги между разными школами создают насыщенное настоящее и перспективное будущее нашей психологии.

В рефлексиях настоящего и размышлениях о будущем мне часто приходят в голову следующие строчки Александра Галича:

«И всё так же, не проще,
Век наш пробует нас:
Можешь выйти на площадь?
Смеешь выйти на площадь?
Можешь выйти на площадь,
В тот назначенный час?!
Где стоят по квадрату
Растянувшись полки –
От Синода к Сенату,
Как четыре строки!»

Марина Гусельцева: *Отличное завершение первого смыслового блока нашей беседы! Отсюда, с высоты этой романтической ноты, обсудим теперь более прозаические методологические проблемы. Итак, каждая культурно-историческая эпоха ставит перед наукой свои вопросы, но ведь есть и пресловутые вечные проблемы психологии. Какие нерешенные задачи, на Ваш взгляд, можно было бы отнести к разряду вечных и актуальных проблем психологической науки?*

Александр Асмолов: Одна из самых нерешенных проблем психологии – это проблема ее разорванности на естественную, гуманитарную и духовную линии. Эти линии часто не пересекаются, они, как правило, разрабатываются независимо, и поэтому необходим как никогда серьезный в широком смысле этого слова антропологический синтез, понимание психологии как своего рода конструктивной антропологии реальности. Эта задача не решена на сегодняшний день, и отсюда психология бьется в своем самоопределении как наука, не всегда рефлекслируя, что самоопределение возможно через отношение к другим наукам и через отношение к той изменяющейся реальности, в которой она существует. Это первое.

Вторая проблема: мы должны осознать тот тезис В.И. Вернадского, который я ранее обозначил, – мы жители психозойской эры, а значит, уникальные работы по эволюции П. Жане, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева должны быть перевернуты в своей логике: не изучение эволюции психики (что было сделано и что невероятно важно), а изучение психики (говоря

языком замечательного биолога А.Н. Северцева) как фактора эволюции. Это совершенно другая логика, эта логика крайне важна, и поэтому хотелось бы увидеть дальнейшее развитие этих идей.

Третья проблема – психология как наука о конструировании миров. Она совпадает с первыми двумя, и здесь самое опасное, если мы слову «конструирование» придадим инженерный смысл и выступим как своего рода носители технократического стиля мышления. Есть биологическая инженерия, или генная инженерия, есть социальная инженерия и, как говорил Г. Спенсер, никакая социальная алхимия не изменит самых свирепых инстинктов. Поэтому мы должны, как ни странно, мыслить конструирование как поддержку спонтанных линий развития, а не как насилие над развитием. В этом смысле это совершенно другое, «мягкое», говоря языком В.В. Налимова, понимание идеологии конструирования – умеренное конструирование, умеренный конструктивизм. Меня все время тянет на подобного рода термины, чтобы не подумали, что слово «вмешательство» носит характер грубого воздействия на природу. И в этом смысле мне близко понятие А. Бергсона «творческая эволюция», которое раскрывает разнообразие линий жизни.

И, наконец, недооценено понятие Л.С. Выготского, которое потом разрабатывалось и М.К. Мамардашвили, – это понятие «снятая форма» (и «превращенная форма» – другой совершенно контекст у М.К. Мамардашвили). На самом деле, мир вокруг нас – это мир «снятых форм». Это означает, что психология уже осела на мире, породила новые интенционально-предметные измерения: поля значений и поля смыслов (А.Н. Леонтьев, К. Левин, А. Шюц подчеркивали это), что мы уже с физическим миром не имеем дела, а всегда живем в феноменологическом мире, и что даже для естественных наук все начинается с феноменологии, в которой действует формула «субъект и объект – вещи неразрывные», отсюда размазывается по всей поверхности оппозиция субъективности и объективности – ее нет, и категория деятельностного анализа снимает оппозицию субъекта и объекта, если мы используем категорию деятельности как «полевую» категорию». В этом смысле первыми разработчиками деятельностного подхода в XX в. я считал и продолжаю считать не только Л.С. Выготского или А.Н. Леонтьева, но и Курта Левина, поскольку его концепция преднамеренной деятельности показала нам «деятельность как поле», но, увы, ушла от идеи развития.

И, наконец, психология как антропология должна стать, как говорил А.Н. Леонтьев, не только действительной, но и действенной наукой. А действенная наука должна пронизывать современные программы образования, программы здравоохранения, современные программы, за которыми стоят социальные практики – психопрактики, психотехники, смыслотехники. И не случайно поэтому сейчас такой запрос на клиническую психологию.

Следующая линия, которая не завершена, сформулированная как загадка В. Виндельбангом и Г. Риккертом, связана с оппозицией номотетического знания и идиографического знания. Номотетическое знание тянет нас к обобщению и синтезу, но я всегда вспоминаю, когда речь идет о

мощных синтетических установках, что обобщение может вообще взлететь над действительностью и потерять точку опоры. Как сочетаются номотетический и идиографический анализы? Здесь как раз важны сегодняшние тренды макро- и микроанализа. Я бы всегда связывал идиографию с микроисторией, потому что здесь, когда мы переходим к феноменологии индивидуальности, перевод адлеровской концепции как «индивидуальная психология» неточен. На самом деле он писал «психологию индивидуальности», а не «индивидуальную психологию».

Еще одна линия, которую я бы обозначил, – это разработка телеологических поведенческих систем. И здесь непревзойденным является человек, сумевший через иерархические уровни связать культуру, предметность и физиологичность в широком смысле слова. Я имею в виду работы создателя физиологии активности Н.А. Бернштейна. Эти линии нашли свой не прямой отклик в цикле работ о целеустремленном поведении Э. Толмена, целенаправленном, если более точно. Они нашли отклик в работах Н. Винера и ряда других авторов о кибернетике. Особо сошлюсь на книгу Р. Акоффа и Ф. Эмери «О целеустремленных системах» (1974), посвященную субъективной и объективной телеологии. Будущее ищет себя, и мы каждый раз строим образ потребного будущего и настоящего. Эта логика, идущая от Б. Спинозы, логика, в контексте которой мир является причиной самого себя, где мы не ищем внешних детерминаций, а выступаем как «фонтанирующая спонтанность», применяя любимый термин М.К. Мамардашвили, двигаясь по этому пути, мы переходим от целевого анализа в области методологии к мотивационному анализу в области психологии, и я мечтаю о том, чтобы каждый психолог был специалистом по мотивационному анализу.

Следующая нерешенная проблема – релятивистская проблема изучения «подвижного в подвижном». Психология всегда утрачивает различные «мерности». Гештальтисты работали больше со зрительным полем, чем со зрительным миром. А.А. Ухтомский и Н.А. Бернштейн пытались поженить пространство и время, предлагая разные трактовки понятия «хронотоп». П.П. Блонский не раз говорил о том, что поведение может быть понято только как история поведения. Как постичь изменяющееся явление в изменяющемся пространстве? Как уйти от застывших схем анализа природы в стиле классической физики?

Лет двадцать назад, когда я бился над этими вопросами, на меня нашло озарение: я сформулировал подход к психологии личности как психологии изменяющегося человека в изменяющемся мире, взяв в качестве эпиграфа слова Ж. Верна «подвижное в подвижном» (*mobilis in mobili*). Считаю, что логика, посредством которой мы рассматриваем изменяющуюся реальность, текущую реальность, изменяющегося человека в изменяющемся мире, заставляет нас перейти к совершенно другой системе координат понимания и антропологии, и психологии, и социологии, и истории. Однако одно дело декларировать этот переход, совсем другое дело – пытаться воплотить его в своих книгах, где последовательно от «Деятельно-

сти и установки» шла попытка воссоединения прошлого, настоящего и будущего: по формуле – человек строит свое настоящее как реализацию образа будущего.

Что такое установка – это эскиз будущего и одновременно готовность к нему. Что такое деятельность – это интенциональное воплощение будущего в изменяющемся мире. Поэтому здесь, как меня учили грузинские психологи, спорить о том, что первично, что вторично, – это нонсенс. Я всегда говорю, что важно разделять методологические и онтологические планы анализа любой реальности. Замечательный психолог Ш.А. Надирашвили говорил мне: согласитесь, что первична любовь, а любовь – это установка, а без нее нет деятельности. И я видел в этом не только игру слов, а психологическую правду. И попытка воплощения этих идей в монографии «Деятельность и установка» (1979) явилась для меня первой попыткой поиска коммуникации между разными школами и парадигмами, стремлением уйти от познавательного эгоцентризма и советского монотеизма. В личностном же плане скажу, что каждый раз, когда мы влюблялись в одну школу, мы превращались в методологических эгоцентриков.

Для меня важно не разрубать естественнонаучную психологию и гуманитарную психологию. Отсюда предложенный мной историко-эволюционный подход в психологии – не случайное сочетание: методологически ошибочно разрывать историю и биологическую эволюцию. Не хочу уступать физиологию физиологам. И в этом смысле в дневниках Л.С. Выготского было точно написано, что мы занимаемся не физиологической психологией, а психологической физиологией. Эта логика прошла через работы трех великих исследователей: Н.И. Введенского, А.А. Ухтомского, Н.А. Бернштейна. Когда мы говорим о функциональных органах, повторяем вслед за Н.А. Бернштейном, что «задача рождает орган», мы намечаем перспективы синтеза естественнонаучной и гуманитарной психологии.

Наконец, для меня весьма значимо, что категория деятельности в широком смысле стала междисциплинарной категорией. Когда мы видим, как работает категория «деятельность» в экономических теориях, это важно. Когда мы раскрываем роль категории деятельности в работах по социологии и философии (я имею в виду теории М. Вебера, Т. Парсонса, Ю. Хабермаса), это важно. И не столь значимо, с какого рода действиями работают создатели этих теорий – коммуникативное действие, социальное действие или рациональное действие. Важно, когда в работах ведущих экономистов, в том числе лауреата Нобелевской премии Д. Канемана, мы видим совершенно другие тренды, которые не замечаем, если будем оставаться в рамках узкого профессионального сообщества. Поэтому выход к широкому community и превращение культурно-исторической психологии в культурно-деятельностное движение либерального характера – для меня это миссия и задача.

Нерешенным проблемам психологии нет числа. Я начал свою игру в жизни с атаки на самую детерминистскую область психологии по имени

психофизика Г. Фехнера и психофизика С. Стивенса. Меня шокировала формула С. Стивенса, что психология есть исключительно там, где господствует измерение. У меня вызывало сомнение, что каждый раз мы строили эксперименты как создание сверхискусственных миров, забывая, что при этом мы имеем дело с частичным человеком. Меня огорчало, что мы рываем человека, как говорил Д. Дидро, на секты глаз, ушей и т.д., теряя тем самым человека. Поэтому работа «От психофизики чистых ощущений к психофизике сенсорных задач» (1974), написанная вместе с моим первым учителем М.Б. Михалевской, задала мне логику атаки на мир жесткого детерминизма. Ближе были лапласовские вероятностные миры, и во всех своих действиях я не хочу отдавать естественную парадигму классическим естествоиспытателям. Я хочу, чтобы историко-эволюционная парадигма изменила и помогла нам понять, что деление на естественные науки, на социальные науки, на гуманитарные науки, бихевиоральные и ментальные науки, на нейронауки уйдет в прошлое, потому что в мире все когнитивно сложнее. Мы остаемся рабами систематизации в стиле Карла Линнея, где мы сами все разложили на полочки, а потом этим полочкам придали онтологический статус. Все сложнее. Каждый раз надо, как говорил В.В. Налимов, когда сложил один пасьянс, смешать карты, чтобы увидеть новую реальность, и опять попытаться его сложить.

Марина Гусельцева: *Итак, наше время характеризуется трендами интеграции научного знания, междисциплинарности, глобализацией и одновременно повышенной чувствительностью к культурной специфичности. Можем ли мы в современной психологии выделить ведущие проблемы и темы, которые позволят объединить психологов разных стран или психология будет продолжать развиваться в логике рассеивающего отбора и методологической поддержки разнообразия?*

Александр Асмолов: Ключевой темой для меня остается задача разобщенности психологии и отсюда – плохое видение психологиями друг друга. Когда-то я с восторгом воспринимал задачу Л.С. Выготского, когда он цитировал слова, что «есть множество психологий, но нет единой психологии». Сейчас я считаю, что есть множество психологий, и главное – найти между ними коммуникацию и диалог, а не доказывать, что может быть только одна монопсихология. Вот эту проблему, а за ней стоит эволюционный смысл психологического познания, я ощущаю с достаточно болезненной остротой.

Марина Гусельцева: *Здесь, на мой взгляд, нам бы следовало поговорить о проблеме коммуникативности науки, а также о том, каким образом современный культурно-деятельностный подход позволяет объединить такие разные исследовательские направления, как когнитивистика и культурно-исторический анализ мотивации?*

Александр Асмолов: В наши дни все чаще раздаются голоса о том, что культурно-деятельностная психология, как бы мы ее ни называли – культурно-историческая психология, социокультурная психология, социально-генетическая психология, деятельностный подход в психологии, теория деятельности, международные культурно-деятельностные исследования или международные культурно-исторические гуманистические науки, – с каждым годом все более и более превращается в историю науки, становится прошлым психологии, а не ее настоящим и будущим. При этом речь, в первую очередь, идет о восприятии западными психологами современных культурно-психологических исследований в России. Чтобы не быть голословным, сошлемся лишь на некоторые работы, вышедшие на Западе в последние десятилетия: *Daniels H. An Introduction to Vygotsky* (second edition). London: Routledge, 2005; *Daniels H. Vygotsky and Research*. London: Routledge, 2008; *Daniels H., Cole M., Wertsch J.V. (Eds.). The Cambridge Companion to Vygotsky*. New York: Cambridge University Press, 2007; *Daniels H., Edwards A., Engeström Y., Gallagher T., Ludvigsen S.R. Activity Theory in Practice: Promoting Learning Across Boundaries and Agencies*. London: Routledge, 2009; *Daniels H., Hedegaard M. (Eds.). Vygotsky and Special Needs Education: Rethinking Support for Children and Schools*. London: Continuum, 2011; *Engelsted N., Hem L. Mammen J. (Eds.). Essays in General. Psychology. Seven Danish Contributions Presented to Henrik Poulsen*. Aarhus University Press, 1989; *Engeström Y. The Future of Activity Theory: a Rough Draft // Learning and Expanding with Activity Theory / A. Sannino, H. Daniels, K.D. Gutiérrez (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 303–328; Harré H.R., Moghaddam F.M. Psychology for the Third Millennium*. London, Los Angeles: Sage, 2012; *Hedegaard M., Chaiklin S. Activity Theory and Social Practice: Cultural-Historical Approaches*. Aarhus, Denmark: Aarhus University Press, 1999; *Kaptelinin V., Nardi B.A. Acting with Technology: Activity Theory and Interaction Design* Cambridge, MA: MIT Press, 2006; *Kozulin A., Gindis B., Ageyev V., Miller S. (Eds.). Vygotsky's Educational Theory in Cultural Context*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007; *Oers B. van, Wardekker W., Elbers E., Van der Veer R. (Eds.). The Transformation of Learning: Advances in Cultural-Historical Activity Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010; *Shotter J. Conversational Realities: Constructing Life through Language* (Inquiries in Social Construction series). London: Sage, 2008. *Learning and Expanding with Activity Theory, 2009; Valsiner J. (Ed.). The Oxford Handbook of Culture and Psychology*. New York: Oxford University Press, 2012; *Valsiner J., Rosa A. (Eds.). The Cambridge Handbook of Sociocultural Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007; *Valsiner J., Van der Veer R. The Social Mind: Construction of the Idea*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2000; *Van der Veer R. Lev Vygotsky*. London: Continuum International Publishing Group. 2007; *Van der Veer R. Vygotsky in context: 1900–1935 // The Cambridge Companion to Vygotsky / Daniels H., Cole M., Wertsch J.V. (Eds.). New York: Cambridge University Press, 2007. P. 21–49; Wertsch J.V. Mind as Action*. New York: Oxford University Press, 1998;

Yamazumi K. (Ed.). Building Activity Theory in Practice: Toward the Next Generation. Osaka: Kansai University Press, 2006.

Однако я рассматриваю эту критику как вызов, помогающий отрефлексировать нашу культурно-деятельностную школу в качестве системы мышления, хотя и возникшей в прошлом веке, но тем не менее претендующей на роль одной из ведущих методологий коммуникации гуманитарного и естественного познания.

Марина Гусельцева: *В одной из работ, к сожалению, уже ушедшего от нас социолога Г.С. Батыгина методология определяется автором как «определенная оптика» исследователя, как его взгляд на мир. Чем является методология для Вас? В чем заключается личностный смысл методологии?*

Александр Асмолов: Для меня методология – это, прежде всего, создание культуры мышления. Поэтому для меня методология выступает как наука, занимающаяся мышлением о мышлении. И в этом смысле быть методологом – это значит осознать и создать эту культуру. Мне очень близко понятие «мыслительные инструменты», предложенное Дж. Верчем. Нарботка таких инструментов, наработка «оптических линз», через которые мы можем видеть реальность, называйте это философская оптика, а не физиологическая оптика, как у Г. Гельмгольца, но эта оптика нам нужна. Поэтому искусство методологии – это искусство смены оптик. Если мы этим искусством начинаем владеть, то мы не сбиваемся, а более видим когнитивную сложность реальности. Методология призвана дать нам возможность увидеть когнитивную сложность реальности, и методология всегда вписана в то направление, которое я называю социальная биография науки. Она не может идти без погружения не только в культуру мышления, но и культуру времени. Она должна все время быть открыта для культуры времени и не бояться этого времени.

Марина Гусельцева: *Издrevле (вспомним софистов) прослеживается такая исследовательская позиция, что в основе нашего взгляда на мир, даже самого строго научного подхода, уже изначально лежит определенная аксиология, и ее можно выбрать, принять, признать, но не доказать свою правоту другому. В современной психологической науке сосуществуют самые разные методологические установки (монизм, либерализм, плюрализм), какая из них представляется Вам наиболее родной и близкой?*

Александр Асмолов: Я всегда боюсь ограничить себя, жестко сказав, что я исповедую методологический либерализм, методологический монизм и т.д. и т.п. Для меня разработка методологии науки – это не разработка отдельной позиции. Я еще раз хочу повторить: методология погружена в культуру, и поэтому, когда мы говорим о методологии, мне ближе всего все-таки понятие «релятивный смысл методологии». Какой

удовно вкладывайте смысл в это. И когда за релятивистской методологией выступает логика «сочетания несочетаемого», — это мне близко. Если угодно, если бы я выбирал художника, которого я использовал как методолога, близкого ко мне, я бы выбрал М. Эшера, его «невозможные фигуры». Мы должны приучиться жить в мире невозможных фигур методологии, иначе ничего не получится, а другие все термины для меня часто выступают — методологический либерализм и т.д. — как еще не наполненные понятия во власти вкусов авторов, их предложивших.

Марина Гусельцева: *В первом блоке нашей беседы мы уже касались феномена научных школ: ряд исследователей (например, Хельмут Люк) считают, что научные школы как «чистые линии» уходят в прошлое, а им на смену пришли «линии смешанные» (если воспользоваться конструктом уже упомянутого В.А. Вагнера). Также набирает популярность понятие интеллектуальной традиции, или интеллектуального стиля (Р. Зайонц). Тем не менее, к какой научной школе, парадигме или интеллектуальной традиции относите Вы свою исследовательскую деятельность? Отрефлексированы ли методологические принципы, лежащие в основе собственных исследований?*

Александр Асмолов: Мне кажется наиболее близкой теоретическая позиция, которую развиваю всю жизнь, — парадигма культурно-деятельностной психологии. Я о ней могу сказать словами Мартина Лютера: «на том стою и не могу иначе». Культурно-деятельностная психология — она релятивистская психология. Культурно-деятельностная психология — она интенциональная психология. А мне невероятно важны линии Э. Гуссерля и Ф. Brentano. Культурно-деятельностная психология — она конструктивная психология. Культурно-деятельностная психология — это методология, но пока не дисциплина, ее еще нет. Она для меня «наука будущего», снимающая, как я уже возвращаюсь, разные оппозиции между естественной, социальной и психической реальностью.

Марина Гусельцева: *Вот здесь мне хотелось бы услышать обоснование для прекрасного названия «культурно-деятельностная психология»: более четко проартикулировать, каким образом в последователях и учениках слились интеллектуальные традиции двух подходов — культурно-исторического и деятельностного. Что между ними общего и в чем различия? И чем эта современная культурно-деятельностная парадигма отличается от попыток соединить категорию деятельности и категорию культуры в творческом наследии М.Я. Басова и М.М. Рубинштейна (при том, что обе попытки последних оригинальны и несводимы друг к другу: из синтеза двух этих категорий получаются уникально разнообразные подходы!). Мы даже договорились поднять эту тему в совместной статье. Но, может быть, все-таки несколько слов о своем видении ситуации?*

Александр Асмолов: Культурно-деятельностная психология выступает сегодня в качестве особого общественного движения мысли. Таким образом, это не просто школа или научное направление, а одно из интеллектуальных движений XX и XXI вв. Обсуждая культурно-деятельностную психологию в качестве методологии и особого интеллектуального движения, мы должны прежде всего обратиться к истокам этой концепции, а обратившись к ним, выделить своего рода мета-характеристики культурно-деятельностной психологии как мировоззрения. Они присущи культурно-деятельностной психологии и наиболее сконцентрированы в идеях и разработках Л.С. Выготского. Среди этих мета-характеристик отмечу следующие: либеральная мировоззренческая установка; диалогизм, открытость сознания и коммуникативная толерантность; многообразие мифопоэтического мышления; использование системного анализа в контексте общей методологии науки; приверженность историко-генетическому стилю мышления; умеренный социальный конструкционизм; проектирование социальных и культурных практик.

Культурно-деятельностная психология – это психология свободного человека в свободном обществе. Так, в своих беседах с В.Ф. Тендряковым А.Н. Леонтьев говорил, что мы должны понять логику сопротивления и исследовать, как мы переходим от логики сопротивления к логике жизненного действия. Это понимание, утверждение жизни, жизненного пути – яркий пример антирабской логики, присущей либеральному стилю мышления. А.Н. Леонтьев отмечал также важность противостояния «конвейерной психологии». За этой идеей я усматриваю ценностный вектор развития культурно-деятельностной психологии. Более же детально обозначенные тобой вопросы мы рассмотрим в нашей совместной статье «Культурно-деятельностная эпистемология в психологической науке»; также анонсирую собственную статью, выходящую сейчас в журнале «Мир психологии» с наглым названием «Исторический смысл кризиса культурно-деятельностной психологии».

Марина Гусельцева: *Хорошо. Тогда вновь обратимся к теме пресловутого кризиса психологии как одной из ведущих тем современных эпистемологических дискуссий. Ранее мы обратили внимание на изменение эмоционального знака интерпретации этого кризиса: от «ужас-ужас» в начале XX в., где психология якобы теряет свой предмет, до «ура-ура», где кризис – это шанс, это новые возможности, это расцвет. Мне помнится, Александр Григорьевич, на одной из Ваших лекций была предпринята четкая попытка выделить разные грани феномена кризиса?*

Александр Асмолов: Когда мы говорим, что психология в кризисе, и пишем вслед за К. Бюлером и Л.С. Выготским либо «Кризис в психологии», либо «Исторический смысл психологического кризиса», мы тем самым, с моей точки зрения, фиксируем перманентное состояние нашей науки. Мы всегда в кризисе. Но одновременно, когда мы берем слово

«кризис» как главный конструкт, мы обедняем движение. Потому что мы оказываемся рабами, как я всегда говорил, двух линий понимания истории или эволюции: либо через борьбу и конфликт (а кризис может быть рассмотрен как одна из форм конфликта), но есть же и другая линия – взаимодействия, толерантности, взаимопомощи. Поэтому когда мы говорим о кризисе, мы видим только одну оптику – оптику конфликта, но не видим оптику взаимопомощи и взаимодействия. Вот это меня всегда в этих вещах смущает. Говоря же более конкретно о кризисе: я люблю формулу «конфликт развивает личность», и в этом смысле попытка смены позиции очень важна. Поэтому я говорил бы не о кризисе, а, пользуясь языком Ж. Пиаже, о множестве моральных и когнитивных децентраций, которые помогают увидеть реальность по-другому. Поэтому если кризис обогащает нас децентрациями, и мы не страдаем тогда эгоцентризмом, то он целителен. Если кризис загоняет нас в узкое ложе сектантского мышления, он губителен.

Марина Гусельцева: *Когда взглядывешься в творчество наших выдающихся психологов конца XIX – начала XX в., обращает на себя внимание, насколько основательно они были знакомы с трудами своих зарубежных коллег, насколько оперативно читались и переводились новые работы в психологии. Существует ли в настоящее время проблема отрыва отечественной психологии от мировой? Считаете ли Вы, что тенденции к глобализации стирают специфические черты национальной психологической науки? Есть у российской психологии пресловутый особый путь развития?*

Александр Асмолов: Я всегда предупреждал своих коллег и студентов, что нет в психологии ничего более опасного, чем заниматься политической географией. Когда я вижу деление – московская школа, ленинградская школа, нью-йоркская школа, у меня эти деления по городам вызывают сомнения. Психология выше географии, она не скована материками, и в этом смысле при полном понимании, что каждая психология растет в своей ментальности, меня ущемляет, когда мы говорим как о стране, так и о науке, что у нее свой домотканый особый путь. У психологии широкий путь. В психологии главное – найти не новый путь, а верный путь. А этих путей много. Поэтому есть релятивизм истины. И поэтому я четко понимаю, что этнокультурная специфика – это то, что мы должны открыть и понимать, и видеть эти корни. Я отчетливо понимаю, что не было бы нашей психологии, если бы не было Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. И в этом смысле она погружена в великую культуру. Но я одновременно понимаю, что наша психология не менее погружена в культуру В. Шекспира, чем в культуру Ф. Достоевского. Я назвал лишь несколько из имен, и поэтому я еще раз говорю, что больше всего в науке боюсь границ и пограничников.

Марина Гусельцева: *Насколько же в таком случае наша психология интегрирована в мировую?*

Александр Асмолов: Идет сложный процесс. Барьеры на пути интеграции языковые. Мы говорим на русском языке и пишем на русском

языке. Многие наши вещи выплыли за рубеж. В этом смысле повезло Л.С. Выготскому и больше всех повезло А.Р. Лурия, который наиболее был известен за рубежом даже не как культурный психолог, а как нейропсихолог. И в этом смысле наше лингвистическое молчание – это барьер на пути движения. И когда нашим языком начинают говорить другие – это и радостно, и одновременно риски. Когда я знаю свою школу – школу Выготского–Леонтьева–Лурия – ее начинают замечательно пересказывать У. Энгестрем, М. Коул, Дж. Верч. И Дж. Верч, и М. Коул – мои друзья, но каждый раз в пересказе что-то трансформируется, и моя любимая формула «не примирить мне двух послов: слова без смысла, смысл без слов» здесь срывается, потому что очень трудно перевести нас на другие языки. Это начинается с понятия «опосредствование», понятия «деятельность». На самом деле это были мифопоэтические конструкты, а мы пытаемся эти конструкты сузить. Стоит мне перевести понятие «деятельность» как «активность», и я проиграю, потому что была «высшая нервная деятельность», и поэтому, когда я, искажая язык, говорю «goal directed action», пытаюсь передать смыслы, но, наверное, проигрываю, чтобы не сказать «purposeful behavior» в смысле Э. Толмена... Мы все время испытываем муки поиска слова, это же не перевод термина, это перевод одной методологической культуры мышления в другую, и здесь нужны гениальные профессиональные переводчики типа как переводила «Всю королевскую рать» (All the King's Men) Р.Я. Райт-Ковалева. Мы каждый раз забываем, что перевод психологических текстов близок к переводу текстов художественных, и в этом смысле куда легче миру узнавать когнитивную или сциентистскую психологию – она менее метафорична, и скорее услышат психологию жесткого языка, чем психологию, за которой проступают ментальность и культура.

Марина Гусельцева: *В связи с проблемой перевода: не скрою, мне хотелось бы – вот лично мне это важно – уточнить понимание «культурного психолога», что значит быть «культурным психологом»? Может быть, тогда мы и поймем, почему для одних культурная психология уже существует как наука, а для других – это «наука будущего»? Что бы ни говорили нам сложившиеся термины, существование культурно-исторической психологии, по крайней мере для меня, это скорее проблематизация, чем реальность. Возможно, именно из-за такой сложности перевода нашу отечественную психологию начала XX в. нередко трактуют в зарубежных учебниках как бихевиоризм?*

Александр Асмолов: Мы хорошо знаем, что в ряде учебников по истории психологии существует два раздела – американский бихевиоризм и русский бихевиоризм. К русскому бихевиоризму относятся работы, подчеркиваю, не И.М. Сеченова, а И.П. Павлова и В.М. Бехтерева.

Марина Гусельцева: *А почему «не Сеченова»? В норвежском учебнике П. Саугстада³, довольно основательном и методологически адекватном, И.М. Сеченов, И.П. Павлов и В.М. Бехтерев представляют отечественный бихевиоризм...*

Александр Асмолов: Вопрос «почему не Сеченова» очень важен. И.М. Сеченов при всей своей рациональности для меня был и остается по-этом естествознания. Не случайно его классическая работа «Рефлексы головного мозга» (1866) вышла в общественно-политическом журнале «Современник». Парадокс состоит в том, что И.М. Сеченов, являющийся символом декартовской линии в психологии, писал мифопоэтическим языком и был проповедником идей свободы. Отсюда постичь его в рамках позитивистского и прагматического стиля мышления историкам американского и русского бихевиоризма было достаточно трудно. Основоположник теории рефлексов в своем мировоззрении оказался шире созданной им теории. А «рефлексология» К.Н. Корнилова практически не упоминается, она осталась незамеченной, и переводят то, что ближе. А потом, когда произошло – по вине не И.П. Павлова, а его апологетов – превращение нашей психологии в физиологию высшей нервной деятельности, и мы должны были от педологии осуществить бегство в психологию функций, которые называли деятельностью, это было вынужденным социальным ходом. Я до сих пор помню в пересказе И.М. Фейгенберга выступление в защиту Л.А. Орбели на Павловской сессии, когда один из ученых решился сравнивать Павлова, Анохина, Бернштейна и Орбели. Искать между ними сходства – это все равно, что сравнивать между собой яблоко и Чичикова, оттого что оба были округлой формы. То есть вот такие несуразности у нас совершаются.

Марина Гусельцева: *Психологическую науку долгое время, да и сейчас, часто рассматривают посредством методологической оптики позитивизма, ориентируясь на образцы естественных наук. Корректно ли в таком контексте вести речь о достижениях и открытиях, о законах психологической науки?*

Александр Асмолов: У психологии несколько главных открытий, и эти открытия связаны с поисками предмета психологии. Психология открывала душу, и душа стала открытием психологии и стала реальностью. Психология открывала сознание, и сознание стало открытием психологии и стало реальностью. Психология открыла бессознательное, и оно стало реальностью. Психология, наконец, открыла конструктивно-деятельностный поток, а не «поток сознания» У. Джеймса, и это тоже стало сегодня реальностью. Поэтому есть надежда, что психология откроет культуру как

³ Саугстад П. История психологии от истоков до наших дней: имена, идеи, биографии, направления, школы. Самара : Бахрах-М, 2008.

снятую психическую реальность, и я возлагаю большие надежды на идеологию «снятых форм». Поэтому мы каждый раз продвигаемся к этим реальностям, но для меня символом поиска психологии была, есть и остается книга В. Франкла «Человек в поисках смысла». Психология – вечное искаительство, она ищет смыслы, и надеюсь, не скоро их найдет.

Марина Гусельцева: *Одной из тенденций современной науки является внимание к микроистории, к антропологии повседневности. В истории психологии это отражается в интересе к забытым именам, к маргинальным линиям развития науки. Какой из подобных латентных и неявных путей развития Вы считаете наиболее ценным в переосмыслении проблем современной психологии? Без каких забытых имен картина психологического знания будет неполной?*

Александр Асмолов: Среди психологов прошлого для меня выступает, прежде всего, В.А. Вагнер, который недооценен как эволюционист. Среди психологов прошлого для меня остаются очень важными психологические аспекты работ А.А. Потебни, которые задали логику историко-генетического анализа. И если мы сейчас вновь открываем Г.Г. Шпета, то А.А. Потебня остается важной гуманитарной фигурой, но недостаточно от-refлексированной. Среди влияния на психологию для меня остается недописанной работа Л.С. Выготского о Спинозе, потому что Спиноза и его мир, который мы рисуем как мир рационалиста по многим учебникам, забывая, что его учителем был Ариэль Акоста, который являлся известным еврейским мистиком, и неожиданно в его мышлении переплелись эти линии. Он был «свой среди чужих и чужой среди своих» для многих вещей, поэтому логика теорем Спинозы для меня важна. Недооценен О. Мандельштам, пусть он не называется психологом, но для меня его деление на «смысловиков» и «значенцев» – это весьма значимое деление, когда Мандельштам говорит, что развитие науки начинается не с идей, а со вкусов и создать новое движение – это значит привить вкус. Вот эти логики для методологии имеют существенное значение.

Марина Гусельцева: *Опираясь на эти идеи Э. Мандельштама, в своих лекциях Вы любите говорить о привитии психологии вкусов. Без работ каких психологов прошлого и настоящего современная психологическая наука будет для Вас невкусна?*

Александр Асмолов: Их легко перечислить. Я считаю, что очень продуктивными остаются работы В.П. Зинченко, они были и есть мифопоэтические работы. Он всегда был, как его называл А.Н. Леонтьев, «лохматым», а лохматость – это очень позитивная характеристика в развитии психологических трендов. Также не могу не упомянуть исследования энциклопедиста в психологии и человека с гражданской этической позицией, моего друга А.А. Леонтьева. Особенно его недооцененную книгу «Деятельный ум» (2001).

Достаточно яркими и необычными являются работы В.А. Петровского, который, делая эти работы, совершает гражданский подвиг, с моей точки зрения. Я считаю, что приходящее, как я называю, «молодое поколение» тоже для нас невероятно важно. Это работы А.В. Юревича, это работы П.А. Мясоеда, это работы, говорю о тебе, М.С. Гусельцевой, и эти работы «сканируют горизонты» и прививают психологии новые вкусы.

Также появляются работы, которые снимают оппозицию между школами, я имею в виду достаточно интересные работы А.А. Пузыря, В.Е. Ключко, В.М. Аллахвердова, В.А. Шкуратова, которые так или иначе идут своими путями.

Марина Гусельцева: *И Ф.Е. Василюка, наверное?*

Александр Асмолов: Безусловно. Перехожу к тем, кого считаю вырастающими в моей жизни, благодаря кому я чувствую реальность, вот я сказал и о тебе, я хочу сказать, что мне очень дали мои коллеги, которых я считаю учениками; это Д.А. Леонтьев, это Ф.Е. Василюк, это Г.В. Солдатова, это А.М. Айламазян, ее книга «Танцевальные практики: семиотика, психология, культура» для меня сверхважна. Вот эти логики, они раздвигают границы, мне кажутся очень и очень важны.

Марина Гусельцева: *Помню, Александр Григорьевич, что психология в Вашей трактовке есть также пристрастная наука. Сейчас Вами были озвучены все-таки субъективные предпочтения и пристрастия, а вот если постараться быть объективным, кто из психологов совершил воистину революционные, коперниканские, парадигмальные вклады в науку?*

Александр Асмолов: Прежде всего, это З. Фрейд. Второй для меня – это Н.А. Бернштейн. Третий для меня – это Л.С. Выготский. Без этих трех... И четвертый для меня В. Франкл. Без них психологическое пространство было бы совершенно иным, для меня, по крайней мере. Я отчетливо это понимаю. И прости, я не сказал: Курт Левин. Эти психологи изменили мир.

Марина Гусельцева: *Важна ли для воспитания современного психолога философия? Есть ли философы, внесшие вклад в Ваше формирование как психолога?*

Александр Асмолов: – Наибольшее влияние на мою работу в области методологии психологии оказал М.К. Мамардашвили. Это было самое главное влияние. Также на мою работу оказало влияние, как ни парадоксально, жесткое оппонирование с моей стороны Г.П. Щедровицкому. Я ему за это всегда благодарен.

Марина Гусельцева: *Активно обсуждаемая тема (в частности, А.В. Юревичем) – психология и поп-психология, психология и парapsихология. Есть ли у Вас отрефлексированная позиция на этот счет?*

Александр Асмолов: Я считаю, что такие системы психотерапии, которой была и остается религиозная система... Религия как культурная практика – это мощная практика снятия напряжения. Я считаю, что невероятно важен институт исповеди и институт молитвы как социокультурные институты. Я считаю, что без мистики мы плохо поймем категорию судьбы. Эти категории – категории судьбы, категории совести – они нам кажутся эзотерическими, а я хочу, чтобы они получили психологическое наполнение и психологический свет.

Марина Гусельцева: *Какова в таком случае роль идеала рациональности в становлении и развитии психологического знания?*

Александр Асмолов: Принцип рациональности сыграл определенную роль в развитии науки. И все сциентистские науки – физика, биология – стоят на принципе рациональности. Однако я отношусь к принципу рациональности метафизически. За словом «мета» стоит понятие «по ту сторону». Я работаю по ту сторону принципа рациональности, и неклассическая, и постнеклассическая рациональность для меня важны. Поэтому я не боюсь перефразировать названия «По ту сторону свободы и достоинства», «По ту сторону принципа удовольствия», за которым возникает смысл науки: мы по ту сторону. Я назвал одну из своих работ «По ту сторону сознания».

Марина Гусельцева: *Даже в постнеклассической психологии заслуживает внимания такой классический вопрос, как предмет и объект психологического исследования. Скажите, пожалуйста, как Вы оцениваете идеи об изменчивости и множественности предметов психологии?*

Александр Асмолов: Предмет – это всегда методологическая конструкция. Объект – онтологическая конструкция. Поэтому когда мы работаем в сети методологии, мы должны четко понимать, что за объектом – онтологический статус, четко выраженный, его некоторая натурализация, от нее мы никуда не денемся, а предмет – это всегда уже конструкция и идеальный тип, и идеальная конструкция. Предмет – мы переходим в область идеального моделирования.

Марина Гусельцева: *Не оставим в стороне и вопрос, касающийся организационных и социальных проблем науки. Что Вы думаете о системе РИНЦ и ее миссии, и в этой связи о проблеме формальных и неформальных лидеров психологии?*

Александр Асмолов: У меня сложное отношение к индексам цитирования. Индекс цитирования – это всегда срез массового сознания. Они могут быть и заданы, и конструированы. Я хочу другого стиля и приведу следующий пример. «Лучший институт в мире», который называется Шанхайским университетом, видя все рейтинги традиционных университетов, создал шанхайский рейтинг не для того, чтобы показать, что они первые, а для того, чтобы понять свое место на этой поляне. И через какое-то время шанхайский рейтинг стал рейтингом, как поднявшим этот университет, так и показавшим ограниченность других рейтингов. То же самое происходит с измерениями знаний в образовании. Мы смотрим тесты Пизы и по критериям, которые придуманы в Пизе или в Болонии, начинаем рядить и судить самих себя, а вместе с тем есть совершенно другие критерии оценки. Поэтому я боюсь, что индексы цитирования – это полный продукт рациональности – и загоняют нас в дискретную логику там, где мы должны иметь дело с симультанной логикой.

Марина Гусельцева: *Завершу нашу беседу провокационным вопросом: как правило, у современников нет объективных критериев для оценки достижений своих коллег. Когда-то мы уже обсуждали такой феномен, что во времена А.С. Пушкина наиболее популярным поэтом был не «наше всё», а некто В.Г. Бенедиктов. Есть ли, на Ваш взгляд, объективная мера научных достижений; если да, то опираясь на этот критерий (объективности, а не пристрастий, мнений и предпочтений), кто из наших современников останется в учебниках психологии сто лет спустя?*

Александр Асмолов: Поживем – увидим!

ДИАЛОГ ВТОРОЙ: ВОПРОСЫ К УЧЕНИКУ

Александр Асмолов: *Итак, какие же нерешенные проблемы, на твой взгляд, остаются в наследство психологам в XXI веке?*

Марина Гусельцева: Проблемы психологии с определенной долей условности можно разделить на глобальные и локальные, методологические и «инструментальные». К первому типу проблем я бы отнесла интеграцию психологического знания; развитие психологии в качестве полипарадигмальной науки; дальнейшую разработку языка психологии, способного высвечивать новые культурно-психологические реальности и тем самым овладевать ими; отрефлексированные сложности и возможности коммуникации психологии со смежными областями знания.

Инструментальные проблемы носят прикладной характер: это, например, необходимость адаптации исследовательского инструментария, заимствованного из сферы смежных наук, или поиск адекватной системы координат для интерпретации тех или иных полученных данных. Очевид-

но, всё еще нерешенной проблемой остается и поиск пресловутого объективного метода для исследования субъективных реальностей.

Александр Асмолов: *Можем ли мы отрефлексировать наиболее дискуссионные, наиболее значимые темы и сюжеты современной психологии?*

Марина Гусельцева: Сначала обозначу тему любимую (субъективизм же подобной установки позволяет мне видеть ее и дискуссионной, и значимой). Это тема эволюции культурно-психологического знания, превращение культурно-психологического дискурса в культурно-историческую психологию, в историческую психологию культуры как науки постнеклассического типа рациональности.

Среди объективно значимых тем отмечу интерес исследователей к социокультурному развитию и становлению идентичности в постиндустриальную и информационную эпоху, особенности социализации человека в изменяющейся социокультурной среде, а также эпистемологические поиски в области полипарадигмальности и мультидисциплинарности. Возрастающая сложность мира, осознание транзитивности как одного из ведущих факторов развития человека в современном мире, концептуальное разнообразие, возможности множественных интерпретаций одной реальности характеризуют контекст развития социальных наук. В 1970-е гг. Дж. Ритцер одним из первых ввел в заглавии своей работы термин «мультипарадигмальность», доказывая, что парадигмальное разнообразие социологии есть нормальное развитие этой науки. Полагаю, что обозначенная эпистемологическая волна наконец-то докатилась и до российской психологии.

Александр Асмолов: *Что понимать под методологией? Нам как любителям разнообразия приходилось иметь дело с разными ее трактовками: от позитивистских (методология есть наука о методе) до метафорических (методология – это искусство сомнения). Твое видение данного вопроса было бы мне крайне интересно.*

Марина Гусельцева: По большому счету методология представляет собой ту или иную форму саморефлексии науки, продолжающуюся в дальнейшем в идеальном моделировании последней. Наиболее продуктивным способом такой рефлексии лично мне представляется выделение уровней методологии науки Э.Г. Юдиным (философского, общенаучного, конкретно-научного, методики и техники исследования).

В моем понимании методология предстает как исследовательская программа: позволяющая осуществлять «сканирование горизонтов» (на философском уровне); задающая перспективу для исследования в целом и интерпретации полученных данных в частности (на общенаучном и конкретно-научном уровнях); служащая основой единства и цельности исследования (на конкретно-научном уровне).

Александр Асмолов: *Здесь мне представляется крайне важным более четко проартикулировать твою интерпретацию исследовательской программы (с опорой на работы наших философов и историков культуры) и интерпретацию методологии в поле междисциплинарности, где методолог выступает в качестве переводчика мыслительных культур с одной на другую...*

Марина Гусельцева: Методологический статус понятия «исследовательская программа» обсуждается в контексте идей И. Лакатоса, П.П. Гайденко, М.Г. Ярошевского. М.Г. Ярошевский использовал данное понятие в своей исторической психологии науки. Однако, как мы помним, творцом конструкта явился И. Лакатос, и в контексте его методологического учения научно-исследовательская программа служила синонимом «парадигмы» (Т. Кун). В отечественной историко-философской традиции данный методологический конструкт эвристично применяла П.П. Гайденко, а вслед за ней ряд исследователей творчества Г.Г. Шпета, например Т.Г. Щедрина⁴. Согласно П.П. Гайденко, исследовательская программа выступает по отношению к научной теории в качестве порождающей структуры. При этом на основании одной исследовательской программы могут быть построены самые разнообразные теории. Особенно важно отметить, что наука предстает здесь в качестве культурно-исторического феномена: исследовательская программа как теоретический конструкт позволяет проследить связи эволюции научного знания в культуре, а методология при таком рассмотрении выступает как работа перевода. Таким образом, исследовательская программа в качестве методологического инструментария является посредником между философским и эмпирическим уровнями методологии науки.

Книга же Н.С. Автономовой «Познание и перевод» (2008) помогла мне отрефлексировать работу перевода в качестве широкой познавательной практики. Так, например, культурно-аналитический подход к эволюции психологического знания, опираясь на идеал постнеклассической рациональности и современную культурно-историческую эпистемологию, при переходе с философского и общенаучного уровней методологии науки на конкретно-научный уровень осуществляет именно перевод общих аспектов гуманитарного и культурно-антропологического дискурса на язык психологии. Согласно Н.С. Автономовой, в общефилософском плане перевод является важным «механизмом переноса внешнего опыта во внутренний и обратно», одной из форм рефлексивности⁵. В этом же ряду значимую роль играет конструкт методологической оптики. По сути дела, осмысливая собственные исследовательские установки и произвольно опе-

⁴ См.: Зинченко В.П., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. М. : РОССПЭН, 2010; Щедрина Т.Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М. : РОССПЭН, 2008.

⁵ Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М. : РОССПЭН, 2008. С. 22.

рируя «настройками» методологической оптики, мы открываем возможности не только разноразмерного и контекстуально обусловленного анализа (фактор текучести и ситуативности знания), но и стереоскопического, полипарадигмального, многоаспектного анализа (фактор его онтологической и гносеологической сложности).

Александр Асмолов: *Методологическая трактовка перевода – это крайне важно. В этом ряду нам следует обсудить и методологические установки в психологии: методологический монизм, плюрализм, либерализм, хотя, как мне кажется, я догадываюсь здесь о твоих предпочтениях...*

Марина Гусельцева: Если исходить из субъективных предпочтений, то наиболее близок идеологически – методологический либерализм, однако не думаю, что в современной науке возможно жестко придерживаться определенной позиции. Рассмотрение каждой из обозначенных позиций отдельно напоминает ощупывание слона с разных сторон в пресловутой притче о неполноте знания. Методологический монизм и методологический плюрализм лишь на первый взгляд противостоят друг другу, тогда как в идеале каждый исследователь стремится к теоретическому монизму; его методологические горизонты тем богаче, чем толерантнее он к разнообразию, т.е. к плюрализму.

В моем понимании и монизм, и плюрализм – части единой познавательной системы, отношение между ними – подлинно диалектическое. Хочу обратить внимание на конкретный пример: Е.А. Сергиенко, опираясь на идеи методологического плюрализма, стремится достичь теоретического монизма – построить целостную психологическую систему на основе категории субъекта («модель психического»), одновременно соединяя когнитивное измерение психологии с экзистенциальным и социальным. Показательно, что одна из ее статей так и называется «От когнитивной психологии – к психологии субъекта» (2007). Замечу, что методологически аналогичное движение совершил и М. Коул (1995), двигаясь от когнитивной психологии в область культурной психологии. Такого рода эпизодические наблюдения позволяют выявить определенные тенденции в развитии психологического знания.

Плюрализм обеспечивает исследователю возможность и свободу выбора, однако каждый из нас стремится сложить из разнообразия психологического знания какой-то приемлемый «гештальт», тем самым стремясь к монизму. Хотя остается вопрос: развивается ли аналогичным путем психологическое знание в целом?

Одновременно монизмом можно назвать также и способ смотреть через оптику одной теории на разнообразие других теорий или через оптику одной культуры на множество культур. Именно в такой ситуации очевиден эволюционный смысл методологического монизма: едва ли возможно одновременно смотреть на мир посредством множества глаз. Или все-таки возможно, делая это посредством смены методологической оптики? Если да, то мы получаем уникальную рефлексивную сложность так называемой постнеклассической науки.

В эволюции научного познания монизм выступает в качестве методологической установки, стремящейся достичь исковой интеграции психологического знания. Однако пути достижения намеченной цели могут быть весьма плюралистичны: и сетевой способ организации знания в этом плане является таким же конструктивным механизмом, как и более привычный для исследовательского сознания системный (здесь важно понимать, какие задачи каждый из них решает более эффективно, в локальности того или иного контекста, в определенной ситуации).

Иными словами, в современной познавательной ситуации становится едва ли не очевидно, что психология несводима к единой теории. Психологические теории составляют вполне реальное множество, и они разные не потому, что одни из них более «правильные», а другие – нет, а потому, что слишком сложна предметная область психологии, чтобы уместиться в пределах одной теории.

Однако наряду с тем, что никто не возбраняет психологии стремиться к теоретическому монизму, в самом этом движении рождаются новые формы более когнитивно сложного «монизма», в основе которого может лежать и сетевая логика, и мультидисциплинарная, и ситуативная логика (навеянная постмодернизмом). По-видимому, понятие «монизм» сегодня требует более сложной дифференциации. Да и постмодернизм (с одной стороны, основательно раскритикованный убежденными представителями методологического монизма, с другой стороны, не существующий в качестве единого течения) не плох и не хорош, а всего лишь одна из философских практик, обратившись к которой, психология смогла методологически обогатиться (само-refлексией и критическим мышлением, принципом методологического сомнения) и двинуться дальше собственным путем.

Если стремиться к обозначению собственной методологической позиции, то назвала бы ее методологической герменевтикой. Или лучше и точнее назвать эту позицию герменевтической методологией? Непонимание – как между представителями разных психологических школ, так и обозначенных методологических позиций – зачастую является продуктом разночтения понятий и нецелостности знания. Методологический монизм и методологический плюрализм через герменевтическую оптику видятся не как противоположные исследовательские установки, а как этапы или стороны общей деятельности познания, функционирующие на манер анализа и синтеза. В качестве еще одного примера обращусь к историко-психологической системе В.А. Роменца⁶, который движется к монизму через плюрализм (плюрализм в данном случае – диалог данного автора с разнообразием психологических учений).

В истории науки психологи (методологи от психологии) непрестанно стремятся организовать психологическое знание в единую картину мира, преодолевая «сопротивление материала», последний же всякий раз изменяется и

⁶ См., например: *Роменец В.А.* Предмет и принципы историко-психологического исследования : дис. в форме научного доклада ... д-ра психол. наук. К., 1989.

ускользает. Каждая теоретическая система при взгляде изнутри, из сознания автора, монистична, если автор решает задачу интеграции знания и создает определенный способ решения (системный или сетевой, парадигмальный или даже полипарадигмальный). Здесь монизм обусловлен самой задачей.

Одновременно с этим на творчество едва ли не каждого основателя той или иной психологической системы можно взглянуть не только через оптику монизма (так, уже упомянутый В.А. Роменец создал систему, в которой разместил всю историю психологии на основе анализа категории поступка), но и через оптику плюрализма (он же вступал с имеющимся психологическим знанием в творческий диалог, а его система становилась все более цельной и всеобъемлющей благодаря разнообразию этого знания).

Таким образом, монизм и плюрализм предстают как составляющие жизни и познания. В абстракции методологического мышления мы противопоставляем их друг другу. А ведь можно стараться увидеть их в диалектике, в динамике, в целостности, в единстве напряжения антиномии. Мы можем взглянуть на историю психологии как на собрание различных картин (словно в художественном музее), где каждый мыслитель изучал психологическую реальность с определенного ракурса, в определенной перспективе, и для герменевтического методолога важно, что возможно встать на его точку зрения, понять его задачи, реконструировать его эпистемологические горизонты, одновременно отдавая себе отчет в том, что при взгляде пристальном на тот или иной феномен наш мыслитель практически не видел других феноменов (тех, что обнаруживали и рассматривали также пристально совсем иные авторы), и вот из таких отдельных точек зрения складывается целостная картина знания.

Когда современный вдумчивый психолог-методолог решает какую-то задачу, то в идеале он обращается к истории психологии, анализирует, как и с каких ракурсов подобная задача уже решалась, и пытается результаты полученного анализа переинтерпретировать, исходя из той точки, из той исследовательской задачи, в поле которой он сам находится... Описанную картину (познавательный срез) я бы назвала ситуативным монизмом: монизм здесь – это ситуативное овладение плюрализмом под решение определенной задачи, но вместе с тем наши задачи изменяются, и каждый раз нам надо искать иной «монизм» (как конкретный способ связывания разнообразия в неустойчивое единство). Таким образом, монизм конструктивен как познавательный принцип, но не как универсальный принцип познания.

Наиболее перспективной мне представляется разработка сетевой методологии: (1) обладающей коммуникативным ресурсом, (2) более гибкой к охвату многообразия разного порядка данных, (3) при определенных условиях сеть может быть организована как система, как гетерархия или иерархия, т.е. стремиться к теоретическому монизму в целенаправленном решении конкретных задач. Методологический монизм, методологический плюрализм и методологический либерализм представляются мне здесь взаимно дополнительными стратегиями.

Александр Асмолов: *От установок плавно перейдем к парадигмам: какая из теоретических позиций (парадигм) в психологии наиболее отвечает принимаемым тобой методологическим принципам?*

Марина Гусельцева: Важно, что мы будем понимать под парадигмой: когнитивизм, бихевиоризм, психоанализ на конкретно-научном уровне методологии науки или синергетику, постнеклассику на общенаучном уровне методологии науки?

На мой взгляд, одна из наиболее перспективных общенаучных парадигм связана с развитием постнеклассической науки, а собственно в сфере наук о человеке – со становлением культурно-исторической эпистемологии (таким элегантным названием мы обязаны нашим отечественным философам – Н.С. Автономовой, Б.И. Пружинину). Культурно-историческая эпистемология представляет собой набор исследовательских приемов, методологических принципов, философских рефлексий и вполне конкретных методов, позволяющих изучать культурно-психологические реальности в качестве онтологически и гносеологически сложных феноменов.

Культурно-историческая эпистемология (1) позволяет раскрыть коммуникативный ресурс психологии в сфере гуманитарного знания в целом, (2) отвечает тенденции исследования человека-в-мире и личности-в-культуре. Иными словами, обозначенная парадигма выводит психологическое знание за пределы стен лабораторий и университетских кафедр в существующие на сегодняшний день практики повседневной жизни, тем самым преодолевая разрыв между академическими и прикладными сферами психологии.

Александр Асмолов: *В нашей беседе мы не раз затрагивали тему кризиса в психологии, обозначив диапазон существующих на данный момент рефлексивных позиций: от влюбленности науки в свой кризис до самоуверенности, что никакого кризиса в ней нет. Поделись, пожалуйста, своей позицией.*

Марина Гусельцева: Кризис есть естественная составляющая любого процесса развития, и психологическая наука здесь не исключение. Обращение к японской и китайской традициям интерпретации кризиса делает его понимание более стереоскопичным: всякий кризис – это сочетание «опасности» и «возможности» (в японском и китайском языках понятие «кризис» состоит из этих двух иероглифов). В кризисе ли психологическая наука? Да, поскольку она развивается, проходя через кризисы (среди которых можно выделить как общенаучные, так и конкретно-научные, опираясь на ту же схему методологии науки Э.Г. Юдина). Является ли кризис, переживаемый психологической наукой, системным или парадигмальным? Нет, на мой взгляд, он носит в большей степени эволюционный, чем революционный характер.

Многие процессы, происходящие с психологической наукой, интересно анализировать в сопоставлении с развитием смежных наук, например с антропологией, социологией или историей. Согласно профессору университета Буффало Георгу Иггерсу, основная проблема гуманитарного познания обнаруживается при переходе от фактов к интерпретациям: если нет общего метода интерпретации, которому ученые могут следовать, то последняя рискует стать идеологическим выбором.

Науки о человеке на рубеже XX–XXI вв. столкнулись с невиданным прежде разнообразием интерпретативных стратегий и заимствованных друг у друга исследовательских приемов. Однако возникшее методологическое разнообразие Г. Иггерс связывает не столько с кризисом исторической науки, сколько с «обогащением истории». Выше мы уже обсуждали, что аналогичная сентенция была сформулирована в психологии В.П. Зинченко, который обратил внимание, что разнообразие психологических школ начала XX в. является свидетельством не кризиса, а «расцвета психологии».

В кризисе, согласно Г. Иггерсу, оказались представление об истории как об унифицированном и универсальном процессе и европоцентристские установки, а не история как наука. В психологии также следует различать кризис картины мира, кризис парадигмы и кризис психологии как науки. В кризисе находится не психологическое знание, а сциентистское (упрощенное и унифицированное) представление о развитии человека и его внутреннем мире, но сама психологическая наука в смене типов рациональности и парадигм, на мой взгляд, активно развивается.

Александр Асмолов: *В недавних публикациях текущего года мы с тобой, не сговариваясь, подняли проблему изоляционизма российской психологии. Что нам мешает интегрироваться в мировое сообщество? Как ты относишься к актуализированному в наши дни подчеркиванию особого пути российской психологии?*

Марина Гусельцева: Интеграции российской психологии в мировую, к сожалению, зачастую препятствуют факторы, не относящиеся к собственно сфере науки: это может быть политическая конъюнктура («великодержавные установки» носителей науки, т.е. ученых) или недостаточно свободное владение иностранными языками, не позволяющее не только оперативно отслеживать новые работы зарубежных коллег, но и публиковать собственные результаты в ведущих мировых журналах.

Способствует же интеграции российской психологии в мировую глобализация как общая тенденция культурного развития и распространение Интернета (электронных технологий в целом) как наиболее демократичного механизма коммуникации и информатизации.

Перегиб в рефлексии национальной специфики в качестве поиска некоего «особого пути» и установки на изоляционизм редко становятся конструктивными для развития науки (как и общества в целом). Именно будучи включенной в мировую психологию, та или иная национальная

психологическая традиция ярче заявляет о собственной специфике. Здесь уместно вспомнить о диалектике универсального и уникального, индивидуального и социального: так, в сходной логике развития, лишь социализируясь, человек обретает своеобразие, становится индивидуальностью.

Однако каждая психологическая школа обладает изрядной долей национальной специфики. Анализ становления психологической науки особенно четко показывает взаимосвязь, с одной стороны, культурной почвы и национального контекста, а с другой – интеллектуального стиля и проблемного поля психологической науки. Довольно ярко выражена национальная специфика немецкой психологической школы (успехи в области физиологии, идеи апперцепции, бессознательной психики и психической активности), французской (успехи медицины, клинический опыт, методы патопсихологии, анализ влияния на психику социальных и культурных факторов) и английской (традиция эмпиризма, успехи биологии, эволюционные идеи) психологических школ. Появление российской или американской психологической традиции – феномен более поздний, относящийся уже к началу XX в. Для американской психологии характерны прагматизм и интерес к вопросам онтогенетического развития и научения. Однако можем ли мы выделить специфику, например, норвежской или даже скандинавской психологической традиции (тогда как, например, скандинавская литературная линия в мировой литературе прослеживается более четко)? Является ли это только проблемой недостаточности переводов или герметичности той или иной культуры? Иными словами, здесь остается множество вопросов...

Александр Асмолов: *Если попытаться навскидку назвать основные достижения и открытия в сфере психологии, что первое приходит тебе в голову?*

Марина Гусельцева: Полагаю, мой выбор главных достижений психологической науки будет носить произвольный характер. Ограничусь магическим числом «семь». Во-первых, это формулировка Г. Спенсером предмета психологии как «ассоциации» (взаимосвязи) внешних и внутренних отношений и проистекающая отсюда методология изучения внутреннего мира на основе анализа внешних форм поведения (так, согласно Г. Спенсеру, стадии развития сознания коррелируют со стадиями развития поведения). По сути дела дальнейшее развитие этого методологического подхода можно обнаружить как в принципе деятельности опосредствования А.Н. Леонтьева, так и в принципе единства сознания и деятельности (просвечивании сознания через деятельность) С.Л. Рубинштейна.

Второе. Открытие бессознательной психики (с кульминацией этой идеи в психоанализе). Третье. Открытие законов научения (Э. Торндайк, бихевиоризм): законы упражнения, эффекта, переноса (ассоциативного сдвига) и готовности (установки). В дальнейшем на основе закона уста-

новки был сформулирован закон оптимума мотивации Йеркса–Додсона. Четвертое. Формулировка «общего генетического закона развития» Л.С. Выготским (с опорой на генетический метод И.М. Сеченова, историко-генетический подход А.А. Потебни, идеи интериоризации П. Жане). Пятое. Разработка Г. Олпортом концепции личностных черт и на ее основе многофакторного личностного опросника. Шестое. Открытие В. Франклом нусогенных неврозов и разработка логотерапии (рождение психологии смысла в целом). Седьмое. Теория личностных конструкторов и представление о «когнитивной сложности» Дж. Келли.

Александр Асмолов: *Миссия историка психологии – воскрешать прошлое. В монографиях ты обращаешь внимание на маргинальные или латентные традиции развития психологии, где эволюцию психологического знания наряду с классиками науки творили незаслуженно забытые сегодня ученые. Чье творчество представляется тебе недостаточно представленным на страницах наших научных журналов?*

Марина Гусельцева: Именно так: вместе с постнеклассической трансформацией науки обнаружилась тенденция переосмысления в новых исследовательских горизонтах казалось бы уже принадлежащих к истории психологии «классиков», а также привлечение внимания к микроистории: поиску и возвращению в науку «забытых имен». В первом случае назову три примера – В. Вундт (перепрочитанный А. Блюменталем), К. Юнг (переинтерпретированный постъюнгианской психологией) и неокантианство (как философская основа психологических исследований, например, культурно-деятельностного подхода М.М. Рубинштейна).

Что касается феномена К. Юнга, особо хочу отметить две работы украинского исследователя (психолога и философа, представителя такого интересного направления, как биографистика) В.И. Менжулина. В своей первой крупной работе «Мифологическая революция в психоанализе» (1996), посвященной интеллектуальному наследию К. Юнга, В.И. Менжулин вскрывает в его учении кантианские мотивы (соотнося понятия «априорные формы» и «архетипы», идеи антиномичности и достижения целостности через конъюнкции). Психология К. Юнга была не только описательно-аналитической, но и культурно-аналитической, ибо, формулируя свою исследовательскую программу, К. Юнг доказывал, что тайны психики невозможно раскрыть без обращения к мифологии и истории культуры. Вот что пишет В.И. Менжулин: «Подобного рода изыскания с самого начала были чреватые успехом, ибо в своих основных чертах они следовали одному классическому образцу, совершенно неведомому З. Фрейду, – кантовскому критицизму. Работу, проделанную Юнгом с мифологическим пластом человеческой души... можно назвать 'критикой темного разума'. Если Кант занимался поиском априорных структур сознания ('чистого разума'), то Юнгу с его учением об 'изначальных образах' (впоследствии названных архетипами) удалось обнаружить априорные структуры бессознательного

(‘темного разума’). Юнг дополнил критику сознания критикой бессознательного и тем самым совершил в области наук о духе методологическую революцию, подобную той, которую Кант сделал для наук о природе. Однако кое в чем Юнг Канта не только дополнил, но и превзошел: априоризм Канта аисторичен, его категории сознания взяты неведомо откуда, а архетипы коллективного бессознательного являются осадком многовекового опыта человечества»⁷.

Иными словами, К. Юнг заимствовал у И. Канта методологию, однако применил ее в контексте уже иного типа рациональности. В.И. Менжулин показывает, что преимущество хода мысли К. Юнга заключалось здесь в его трансцендентализме, где вместо поиска несуществующих субстанций он стал изучать априорные функции. Более того, рационализм классики (как И. Канта, так и З. Фрейда) вместе с новым типом рациональности был преодолен. Если сознательной психике соответствовала культура в узком смысле этого слова, то интерпретация бессознательного нуждалась в опорах на мифологию. К. Юнг (замечу, как и постпозитивисты) преодолевал исследовательские установки наукоцентризма, доказывая, что миф есть полноправная сфера познания. Согласно образному выражению В.И. Менжулина, К. Юнг «отстаивал идеалы Романтизма оружием Просвещения», а с позиции культурно-аналитического подхода это как раз одна из эмпирических характеристик постнеклассического типа рациональности, который не отвергает классику, а перепрочитывает, встраивая в современные контексты.

Однако в контексте сказанного особенно забавно, что спустя несколько лет тот же В.И. Межулин написал вторую серьезную работу о К. Юнге (2002), по сути дела, перейдя от «апологетики к критике»⁸.

Далее, возвращаясь к микроистории и «забытым именам». В плане разработки интегративной методологии для нас сегодня актуален опыт Государственной академии художественных наук (ГАХН), решавшей в 1920–1930 гг. задачу «синтеза искусств» и привлекавшей к решению этой задачи самый широкий круг специалистов. Напомню, что в ГАХНе продуктивно работали известные ученые и психологи, такие как Г.Г. Шпет, А.Г. Габричевский, Г.О. Винокур, Н.И. Жинкин, Б.М. Теплов, В.М. Экземплярский, А.А. Смирнов и др. Для многих из них это была особая («недирективная») научная школа.

Не утратившими своей актуальности и требующими нового осмысления представляются работы Э. Шпрангера (не только его проект понимающей психологии, но и представленная в недавно переведенном на русский язык труде «Формы жизни» методология идеального типа!), Карла и Шарлотты Бюлер (соответственно анализ ситуации методологического кризиса начала XX в. и тема исследования жизненного пути личности). Наследие В. Джеймса может быть сегодня переинтерпретировано в каче-

⁷ Менжулин В.И. Мифологическая революция в психоанализе. Киев : Наукова думка, 1996. С. 105 (выделено мной. – М.Г.).

⁸ Менжулин В.И. Расколдовывая Юнга: от апологетики к критике. Киев : Сфера, 2002.

стве одного из способов интеграции психологического знания («Принципы психологии»).

Заслуживает внимания (и перевода с украинского языка) базирующаяся на основательной проработке материала истории психологии концепция поступка В.А. Роменца. Поступковый принцип явился для ученого магическим кристаллом, через который он проинтерпретировал историю психологии и на основании которого предложил оригинальную модель интеграции психологического знания. Замечу, что по продуктивности этого автора семи томов «Истории психологии» вполне можно сопоставить с В. Вундтом, оставившим десяти томник «Психологии народов».

Александр Асмолов: *Мне бы хотелось, чтобы ты назвала своих «культурных героев» в психологии, повлиявших как на становление психологической науки, так и на твою собственную интеллектуальную биографию.*

Марина Гусельцева: Начну с вех становления психологической науки как объективной стороны вопроса. Это Г. Спенсер (методологическая программа, трактовка предмета психологии как взаимосвязи внешнего и внутреннего), В. Вундт (создание психологической лаборатории, где стажировались будущие ведущие психологи и основатели новых направлений; формулировка проблемы «двух психологий» – физиологической и культурной), У. Джеймс («Принципы психологии»), З. Фрейд (психоанализ как своего рода мифологическая система), И.М. Сеченов (своим авторитетом он задал направление развития российской психологии по естественнонаучному пути), Л.С. Выготский, К. Левин, Э. Толмен, Г. Олпорт, А. Маслоу. Особо отмечу К. Юнга и С.Л. Рубинштейна – их фигуры, как мне кажется, сегодня не так заметны на небосклоне психологической науки, однако смысловые глубины их трудов еще не до конца раскрыты, а вклад в психологическую науку, возможно, недооценен. Невозможно не отметить вклад В. Франкла, создавшего такое важное направление, как психология смысла. Вполне уверена, что многих в этом перечислении упустила...

А вот теперь о значимых лично для меня как исследователя ученых. Среди них философы, психологи, историки культуры. В.С. Стёпин – хотя его трактовка постнеклассической рациональности иная, чем та, которую я пытаюсь развивать, отталкиваясь от выделенных им типов рациональности, и в диалоге с идеями М. Вебера, Ж.-Ф. Лиотара и Р. Рорти. М.К. Мамардашвили – благодарна ему за нетипичные мыслительные ходы, отрефлексированные феномены «простите, я не о том говорю!» и «презумпции ума», а также за уроки смены линз (методологической оптики), позволяющие анализировать события под разными углами зрения.

Забавная ситуация – говорить сейчас о своем собеседнике в третьем лице. Конечно, А.Г. Асмолов – Учитель, у которого, начиная с конца

1980-х гг. училась методологическому анализу, исследовательской культуре и чьи принципы историко-эволюционного подхода наметили для меня маршруты интеллектуальных экспедиций психологии в области истории, антропологии и культуры. А.В. Юревич, оказавший значимое влияние формулировкой трех симптомов психологического кризиса (разрыв между прошлым и настоящим науки, между теорией и практикой и фрагментация отдельных психологических исследований) и идеологией либеральной методологии.

А.Я. Гуревич, заинтересовавший идеями в области категориального анализа ментальности и методологии «исторического синтеза» (идущей от французской исторической школы «Анналов»), один из первых в советскую эпоху показавший эвристичность неокантианской методологии в гуманитаристике. К. Гирц, вдохновивший идеями интерпретативной антропологии и методом «насыщенного описания». Знакомство с работами этого автора показало мне важность коммуникации психологии с антропологическим знанием в целом. Особое восхищение вызывает у меня социолог В.А. Ядов, который в свои 85 лет остается активным и ярким мыслителем, например показывающим, что современная социология полипарадигмальна, тогда как в отечественной литературе такая позиция воспринимается неоднозначно – от мягкой критики за пресловутый «эклектизм» до вполне воинствующей «консервативной социологии»⁹.

Исследователем, отличающимся методологической культурой и широтой кругозора, представляется украинский психолог П.А. Мясоед (предложивший к тому же оригинальную трактовку трех типов рациональности в психологии¹⁰)... так благоговейно и преданно продвигающий в украинской и российской психологии идеи В.А. Роменца.

Александр Асмолов: *Поскольку наше интервью «зеркальное», мы ведь не обойдем тему отношения психологии к мистике, эзотерике, религии?*

Марина Гусельцева: Отвечу кратко. На мой взгляд, психологии следует внимательно присматриваться к опыту как гуманитарного познания, так и к пресловутой сфере вненаучного знания (проходя между Сциллой научного скептицизма и Харибдой некритичной открытости и заимствования). Одновременно в недавно опубликованном «Посмертном интервью К. Поппера» мне особенно близки следующие его слова: «Я не знаю, существует Бог или нет. Мы можем знать, как мало мы знаем, но это не должно оборачиваться позитивным знанием о существовании непостижимых тайн. В мире неизмеримо много непостижимо таинственного, но я

⁹ В этой связи хотелось бы обратить внимание читателей на книгу: Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. СПб. : Интерсоцис, 2009.

¹⁰ Мясоед П.А. Психология в аспекте типов научной рациональности // Вопросы психологии. 2004. № 6. С. 3–18.

считаю неприемлемым как выводить теологию из недостатка знания, так и оборачивать наше неведение в нечто вроде позитивного знания. Некоторые виды атеизма бездумны и самонадеянны, они должны быть отвергнуты, но агностицизм – признание незнания и исследование – это правильный путь» (режим доступа: <http://www.snob.ru/profile/27355/blog/80984>).

Александр Асмолов: *Твое отношение к принципу рациональности?*

Марина Гусельцева: Отношение в целом позитивное. Именно на принципе рациональности держится научное знание. Другое дело, что возможны разные типы рациональности (это исторически сменяющиеся типы), да и само понятие научности, критерии научности изменяются от эпохи к эпохе.

Начиная с последней четверти XX в., активно обсуждаются концепции множественной и коммуникативной рациональности. Таким образом, принцип рациональности на сегодняшний день должен учитывать аспекты коммуникативности научного знания и разнообразия исследовательских стратегий. Актуальными и дискуссионными остаются проблемы достоверности, объективности и истинности получаемого знания; лабильности границ научного и вненаучного знания.

В связи с нашей особой социокультурной ситуацией крайне важным мне представляется проартикулировать следующее: наряду с принципом рациональности современная цивилизация держится на идее культуры и идее права (правовая рациональность как важная форма мышления цивилизованного человека). В своей книге «Идея культуры» (2012) еще один наш замечательный отечественный философ В.М. Межуев показывает, что наука и право явились уникальным вкладом западной цивилизации в мировое (универсальное) развитие. Без этих идей сегодня не может обойтись ни одна цивилизация. Рациональность, право и идея культуры стали цивилизационной нормой: современная наука, правовые предпосылки светских форм жизни (правовая рациональность) и уважение к культурному разнообразию (толерантность) являются основой мирного существования единого человечества.

Александр Асмолов: *В предложенной журналом «Методология и история психологии» анкете была следующая формулировка: «диссертанты путаются, а диссертационные советы очень по-разному трактуют, что есть предмет и объект психологического исследования». Каким образом ты трактуешь эти понятия?*

Марина Гусельцева: Сначала небольшая ремарка: как раз для диссертантов и диссертационных советов необходимо разработать прозрачные и публичные (общеизвестные) критерии: это в логике культуры достоинства – минимизировать мучения людей. Теперь по существу. Объект психологического исследования представляет собой часть действительности, на которую направлено внимание психологической науки. Предмет – та

часть объекта, которую мы видим через «подзорную трубу» нашей конкретной исследовательской задачи.

Если же говорить более конкретно, то объект психологического исследования – это человек в многообразии его отношений с миром, а предмет психологического исследования в современном мире отличается неизбежной изменчивостью и разнообразием (предметом может быть как мотивация, личность, деятельность, научение, познавательные процессы, так и отдельные аспекты социализации, семейные отношения, личностный потенциал, особенности возраста и т.д.) Особенность психологии как науки – разнообразие и множественность предмета исследования.

В истории психологии именно конкретизация предмета исследования задавала своеобразие той или иной психологической школы (или подхода). Постнеклассическая методологическая оптика позволяет увидеть эти школы как «обзорные площадки» единой психологической науки. Не скрою, остается вопрос: что служит основой такого единства – скорее интуитивного, чем проартикулированного? По-видимому, это не столько определенные теоретические или методологические подходы, сколько система университетского образования.

Александр Асмолов: *Твое мнение о тенденции объективации научного труда, например, подсчета индексов цитирования у психологов?*

Марина Гусельцева: Как один из способов измерения научных достижений – почему бы и нет? Главное, чтобы погоня за индексами не превращалась в самоцель. К тому же, помимо так называемой объективной оценки, всегда есть «неявное знание», касающееся репутации ученого, известности его имени и трудов в том или ином научном сообществе. По-видимому, наиболее достоверным критерием такого рода оценки достижений становится минимализация зазора между «явным» и «неявным» профилем востребованности трудов ученого.

Александр Асмолов: *Какие дискуссии в психологии, на твой взгляд, могли бы вдохновить наше научное сообщество?*

Марина Гусельцева: Представляется, было бы полезно предоставить трибуну представителям смежных наук. Так, коммуникация (возможно, в жанре интервью на тему методологических проблем и достижений той или иной науки) с ведущими отечественными и зарубежными философами, историками, социологами, антропологами поможет психологии расширить собственные эпистемологические горизонты.

Сведения об авторах:

АСМОЛОВ Александр Григорьевич, заведующий кафедрой психологии личности МГУ имени М. В. Ломоносова, директор Федерального государственного учреждения «Федеральный институт развития образования» (ФИРО). Член Президиума Российской академии образования (Москва). E-mail: agas@mail.ru

ГУСЕЛЬЦЕВА Марина Сергеевна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Психологического института РАО, доцент Московского педагогического государственного университета (Москва). E-mail: mguseltseva@mail.ru

Alexander G. Asmolov¹, Marina S. Guseltseva²

¹ *Russian Acad Educ, Fac Psychol, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).*

E-mail: agas@mail.ru

² *Moscow State Pedagogical University, Department of Psychology (Moscow, Russian Federation).*

E-mail: mguseltseva@mail.ru

Whom and how is to develop the methodology of psychology?

An overview of contemporary issues and controversial issues of development of psychology is presented in the form of two mutual interviews. The context of current discussions is indicated: the tendencies of development of psychology "into the bush" and "into the trunk", pluralism and monism in the approaches, the specificity of the present crisis in psychology. In the "Psychozoic era" the role of psychology is defined.

A number of problems necessary to be solved is identified:

- the problem of division of psychology into natural, humanitarian and spiritual lines. These lines are not often meet, they are usually developed independently, and therefore a much more serious in a broad sense of this word anthropological synthesis is needed as well as the understanding of psychology as a structural anthropology of the reality.

- Rethinking the problem of fundamentals - we are the people of Psychozoic era, and, thus, unique works on the evolution by P. Janet, L.S. Vygotsky, A.N. Leontiev should be reversed in their logic: not the study of the evolution of the psyche (what was done and what was incredibly important), but the study of the psyche (according to the words of the remarkable biologist A.N. Severtsev) as a factor in evolution.

- Understanding the problem of psychology as a science of constructing the worlds. It is important to consider the creation as a support for spontaneous lines of development, rather than violence on development. In this sense, it is another, "soft", in the words of V.V. Nalimov, understanding of the ideology of construction - moderate construction, moderate constructivism.

- The problem of the world of "the removed forms". Psychology has settled on the world, gave rise to new intentional-subject dimensions: the fields of value and the fields of meaning (A.N. Leontiev, K. Levin, A. Schyuts emphasized this); that we do not interact with the physical world, and always live in the phenomenological world; and that even for the natural sciences all starts with phenomenology, in which the formula "subject and object are inseparable" has the effect; and thus the opposition of subjectivity and objectivity is spread across the surface - it does not exist, and the category of the activity analysis removes the opposition between subject and object if we use the category of activities as a "field" category.

- The problem of the effectiveness of psychology. Psychology as anthropology should become, in the words of A.N. Leontiev, not only a real but also an effective science. And effective science must penetrate modern programs of education, health programs, current program, backed by social practices – psycho-practices, psycho-techniques, meaning-techniques.

- The problem of the opposition of nomothetic knowledge and idiographic knowledge.

- The problem of development of teleological behavioral systems.

- Relational problem of studying "the active in acting".

Keywords: psychologization; risk; development trends; pluralism; monism; synthesis; crisis; cultural-activity approach.